Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЯ – ИТАЛИЯ – ГЕРМАНИЯ: ЛИТЕРАТУРА ПУТЕШЕСТВИЙ

Коллективная монография
по материалам Третьей международной научной
конференции Международного научно-исследовательского
центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия»
Томск, 26–28 сентября 2012 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Е.Г. Новикова
Томский государственный университет (Россия, Томск)

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТРАВЕЛОГ В.В. РОЗАНОВА

В 1909 г. вышла в свет книга В.В. Розанова «Итальянские впечатления»[1]. В ее основе лежат две поездки русского мыслителя, писателя и журналиста в Европу: в Италию – в 1901 г., в Швейцарию и Германию – в 1905 г. Розанов за всю свою жизнь побывал за границей три раза, последний, третий, раз он выезжал в 1910 г., вновь в Германию. Поездка же в Италию в 1901 г. стала его первым выездом за границу.

Впечатления о своей поездке публицист Розанов сразу же направляет в Россию, и книга 1909 г. составлена из его очерков 1901–1903 гг., публиковавшихся в газете «Новое время»[2] и в журнале «Мир искусства»[3], а также очерков 1905 г., посвященных поездке по Швейцарии и Германии и опубликованных в том же «Новом времени»[4].

На первом зарубежном конгрессе, посвященном творчеству В.В. Розанова, который состоялся именно в Италии в 1990 г. [5], была, в частности, высказана точка зрения о том, что поездка в Италию стала для Розанова значимой настолько, что именно она и определила его мировоззрение в целом[6]. Представляется, что данное утверждение нуждается в уточнении: ко времени первой заграничной поездки собственная оригинальная религиозно-философская концепция русского мыслителя в своей основе была уже сформирована. В 1900 г. начались известные «воскресенья» в доме Розанова, на которых присутствовали ведущие мыслители и художники эпохи, и очевидно, что Розанов их привлекал как уже

---

[1] *Розанов В.В.* Итальянские впечатления. СПб., 1909. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием страницы в скобках.

[2] *Новое* время. 1901. № 9012, 9023, 9021, 9031, 9034, 9397, 9048, 9056, 9059, 9066, 9073, 9160, 9182; *Новое* время. 1902. 11 июля. № 9464; *Новое* время. 1902. № 9475, 9779.

[3] *Мир* искусства, 1902. Т. 7, № 2. С. 65–68; № 5–6. С. 352–358; № 7. С. 3–6.

[4] *Новое* время. 1905. № 10532, 10536 10542, 10566. Следует добавить, что здесь же был опубликован и цикл очерков Розанова, посвященный его последнему заграничному путешествию 1910 г. в Германию. См.: *Новое* время. 1910. 6 июля – 28 авг.

[5] В г. Граньяно; организатор конгресса – Институт языка и литературы Восточной Европы Миланского университета. См. об этом: *Иванова Е.В.* Италия – В.В. Розанову // Вопр. философии. 1991. № 3. С. 133–139.

[6] См.: «Р.И. Хлодовский (Москва) <...> Поездка в Италию сильно повлияла на мировоззрение Розанова, во многом определила его религиозно-философское миропонимание» // Там же. С. 133.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

состоявшийся оригинальный русский мыслитель и публицист – представитель так называемого «нового религиозного сознания». В 1901 г. Розанов, на этой же религиозно-философской основе и совместно с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, организовал знаменитые петербургские Религиозно-философские собрания, которые были задуманы как попытка диалога с официальной Церковью. В 1903 г. собрания были закрыты – в частности, в связи с розановской активной критикой православия. На этом интеллектуальном фоне Розанов и выехал первый раз за границу в Италию.

«Итальянские впечатления» Розанова в 1909 г. попали в интенсивный «итальянский» контекст. Тема Италии была крайне популярна в России начала XX в., что нашло выражение во многих и разных по своему типу русских текстах. Достаточно назвать популярные в то время путеводители по Риму и его окрестностям М.А. Грибовской (1906)[1] и Б.А. Грифцова (1914)[2], книги П.Д. Боборыкина «Вечный город» (1903)[3] и П.П. Перцова «Венеция и венецианская живопись» (1912)[4], наконец, знаменитый фундаментальный труд П.П. Муратова «Образы Италии» (первые два тома – 1911–1912 гг.)[5].

В таком авторитетном культурном и литературном контексте «Итальянские впечатления» Розанова были не только замечены, но и вызвали бурное обсуждение. Газета «Новое время», с которой Розанов активно сотрудничал и в которой было впервые опубликовано большинство его путевых очерков, откликнулась даже двумя статьями.

Статья драматурга, театрального критика и журналиста Ю.Д. Беляева под названием «В. Розанов. Итальянские впечатления. СПб, 1909» интересна прежде всего тем, что в ней описан, собственно, путешествующий по Италии Розанов. Первая встреча и знакомство Ю.Д. Беляева с ним состоялись именно в Риме:

> Помню лето – жаркое римское лето. Где-то на Via Aurora маленький человек в «разлетайке» и соломенной шляпе торгуется с извозчиком, путая французские и итальянские слова. Он не один – с ним спутница, русская по всему – по складу лица, по простоте, по скромности. Да и в нем сразу признаешь русака – ну кто же так тверд в семинарской латыни, кто так уступчиво добродушен с чужим простонародьем <...>. Передо мной был соотечественник, но соотечественник не простой турист, не заурядный: Василий Ва-

[1] *Рим* и его окрестности: путеводитель / сост. М.А. Грибовская. СПб., 1906. X, 210 с.
[2] *Грифцов Б.А.* Рим. С планами города и музеев / сост. Б.А. Грифцов. М., 1914. 156 с.
[3] *Боборыкин П.Д.* Вечный город. М., 1903.
[4] *Перцов П.П.* Венеция и венецианская живопись. М., 1912.
[5] *Муратов П.П.* Образы Италии: в 2 т. М., 1911–1912.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сильевич Розанов сам-друг с женой практиковался в латыни с потомками римских возниц, смешливо слушавших его странную речь [1].

Так Ю.Д. Беляев как очевидец пребывания Розанова в Италии начинает одну из важнейших общих тем обсуждения «Итальянских впечатлений» – их заведомую и подчеркнутую «русскость»:

> И все-то вспоминается ему то Москва, то Калуга, то Звенигород, то родная Кострома, наши монастыри, наши церкви, церковные службы наши <...>[2].

В целом Ю.Д. Беляев оценивает «Итальянские впечатления очень высоко:

> <...> давно мне не доводилось читать такой увлекательной книги. Древний Рим воскресает в этих отрывочных, спешных мыслях туриста <...> Я прочел книгу. И мне хочется порекомендовать ее всем, кто будет в Риме <...> Розанов хорош именно тем, что останавливается там, где патентованные «гиды» проходят мимо, увлекается и разъясняет то, в чем самому, пожалуй, и не разобраться после богатой впечатлением экскурсии.
>
> Розанов интересен в музеях <...>. Я хочу сказать, что все общепринятые учения и доктрины ему чужды. <...> В Ватикане Розанов разговаривает с камнями. Он их спрашивает. Они отвечают <...>[3].

И далее Ю.Д. Беляев вводит важнейшее для понимания книги Розанова понятие – «импрессионизм»:

> Это импрессионист, который исповедует какую угодно теорию, если она подходит к случаю <...>. «Итальянские впечатления» – столько же критическое, сколько и художественное произведение. Красота так же убедительна, как и аксиомы. Розанов исповедует культ Красоты <...>[4].

Не требуется много говорить о том, что само понятие «импрессионизм» восходит к существительному «impression» – «впечатление»[5], поэтому категория импрессионизма при определении художественной природы «Итальянских впечатлений» принципиальна.

Наконец, как очевидец итальянского путешествия Розанова Ю.Д. Беляев развивает еще одну общую важнейшую тему обсуждения книги Розанова – ее религиозно-философскую направленность. Так, автор статьи

---

[1] *Новое* время. 1909. 24 июня. С. 3.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] От фр. *«impression»* – «впечатление». Термин «импрессионизм» возник в связи с названием картины Клода Моне «Впечатление. Восход солнца».

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

утверждает, что католическая газета «Voce della Verità» по горячим следам первых публикаций очерков Розанова в «Новом времени» обильно цитировала те их фрагменты, которые были посвящены католицизму:

> Удивлялись также тому, как быстро и ясно усвоил русский писатель дух католического богослужения <...>[1].

Вторая статья в «Новом времени», посвященная книге Розанова, принадлежит И.К. Маркузе [2] (выступившему здесь под достаточно прозрачным псевдонимом «М-е»[3]). Она называется «Вечный город» и носит совершенно иной характер: это опыт сравнительного анализа двух недавно вышедших в свет русских книг о Риме, «Итальянских впечатлений» Розанова и «Вечного города» П.Д. Боборыкина, задавшего, собственно, и название статьи.

В основе данной статьи также личные впечатления ее автора, на этот раз впечатления о Риме. Она начинается пылким признанием ему в любви:

> Вечный город – конечно, Рим <...> Я знавал лиц, приезжавших в Рим на неделю и всю свою оставшуюся жизнь возвращавшихся туда ежегодно <...> Это единственный, исключительный город, последовательно ведущий нас по всем ступеням, от младенческой еще (европейской) цивилизации до высших ее точек[4].

Поэтому И.К. Маркузе в своем анализе русских книг о Риме далеко не беспристрастен: «Посмотрим, – пишет он, – что будет сказано». И далее:

> Посмотрим, что будет сказано, как глядит русский человек на город, на который нас еще в школе приучали смотреть и так, и иначе: восхищаться величием классического Рима, негодовать на Рим католический[5].

Так И.К. Маркузе в «Новом времени», вслед за Ю.Д. Беляевым, в связи с русскими книгами о Риме продолжает и развивает темы «русского взгляда» на Италию и католичество: «Розанов <...> и Боборыкин поражаются силой и значением католичества»[6]. «Не касаюсь <...> религиозной стороны вопроса, которая не в пределах моей компетен-

---

[1] *Новое* время. 1909. 16 июля. С. 3.

[2] Там же.

[3] См. об этом: *Николюкин Л.Н., Фатеев В.А.* Комментарии // Розанов В.В. Собр. соч. / под общ. ред. Л.Н. Николюкина. М., 1994. С. 486.

[4] См.: *Новое* время. 1909. 16 июля. С. 3.

[5] Там же.

[6] Там же.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ции», – корректно отмечает автор статьи. Однако далее, назвав себя «мирянином, радеющим о своей стране»[1], И.К. Маркузе размышляет об историческом и современном состоянии и значении православия и католичества.

В целом сравнение двух книг оборачивается в статье признанием бесспорного превосходства «Итальянских впечатлений» над «Вечным городом» П.Д. Боборыкина:

> Как странно, – восклицает автор, – что книга публициста [Розанова] написана живыми, яркими красками беллетриста, тогда как романист Боборыкин пишет о Риме слогом протоколиста! Отсюда такая разница впечатления, и вся она в пользу Розанова <...> его [П.Д. Боборыкина] книга скучна, а вот «Итальянские впечатления» Розанова читаешь с удовольствием.
>
> «Поедем, поедем в эту страну, посмотрим, что в ней есть; Розанов рассказывает о ней так живо»! <...> подобное впечатление дает его книга <...> Чего требовать от беседы с талантливым человеком! Его беседа заинтересовала, охватила вас его настроением, пробудила в вас желание самому испытать или проверить эти настроения – чего же больше?[2]

В сущности, И.К. Маркузе и здесь тоже говорит об импрессионизме Розанова как путешественника. Он размышляет о том, что его книга составлена из отдельных необычных наблюдений и «метких замечаний»,

> иногда неожиданных и всегда очень ярких, которые, как молния из туч, освещают такие явления, мимо которых другой проходит, даже не замечая их[3].

Статья А.А. Измайлова «Около чужих алтарей (О Розанове и его новой книге)»[4] – подробный анализ «Итальянских впечатлений». А.А. Измайлов полагает, что путешествие в Европу для Розанова – это

> <...> почти исполнение святой мечты, обета, данного когда-то давно, в студенчестве, как давали его в старину <...> Розанов едет туда с сердцем, переполненным воздыханий и молитв, с умом, вместившим сотни от юности намеченных тем <...>[5].

Подобно Ю.Д. Беляеву, А.А. Измайлов восхищается «Итальянскими впечатлениями», видя в них не только «русскую душу» автора, но и импрессионистичность его мировосприятия:

---

[1] *Новое* время. 1909. 16 июля. С. 3.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Русское* слово. 1909. 3 июня. С. 1. Возможно, название статьи восходит к названию одной из книг Розанова: *Розанов В.* Около церковных стен: в 2 т. СПб., 1906.

[5] *Русское* слово. 1909. 3 июня. С. 1.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

В книге Розанова, которая для меня – прекрасное явление среди сегодняшнего бездарного и фальшивого дня, – удивительно вылилась истинная русская черта какой-то необычайной нашей русской глубины и задумчивости <...> русская душа воспринимает все в бытии»[1].

Положительно все окрашено у Розанова <...> религиозной думой[2]. <...> речь Розанова иногда переливается почти в экстаз, при внезапной мысли, обжегшей сердце, при захвате старинной реликвией, древним холстом <...>. По своему складу Розанов – яркий импрессионист[3].

Безусловно, значимой была точка зрения такого авторитетного знатока Италии, как П.П. Муратов, который также внес свой вклад в обсуждение книги небольшой заметкой в «Русской мысли» под названием «В. Розанов. Итальянские впечатления. СПб. 1909»[4]. Заметка начинается с бесспорного признания оригинального таланта Розанова, его «превосходного стиля», «глубины его тем», «живой яркости его мысли»[5]; далее высоко оцениваются такие главы книги, как «Помпеи», «Пестум», «“Умирающий гладиатор” и “Моисей” Микеланджело»:

<...> «Помпеи» и «Пестум», заключающие страницы из числа самых лучших, написанных В.В. Розановым и самых для него важных <...>;

Им написана превосходная страница об «Умирающем гладиаторе» <...>[6].

Но общее отношение П.П. Муратова к «Итальянским впечатлениям» – негативное:

Но как раз слово «впечатления» весьма мало идет к делу. Мысли «по поводу» и впечатления не есть одно и то же, а «мысли по поводу», в сущности, только и составляют содержание книги. Удивительно как мало здесь прямых впечатлений глаза, того, что французы называют vision directe. «Пейзаж», то чудесное, вечно разнообразное зрелище природы, истории, жизни, которое окружает итальянского путешественника, отсутствует, а вместе с ним вычеркнуто пол-Италии. В последних строках очерка «Пестум» В.В. Розанов пишет: «Да, забыл добавить <...>». Это «забыл добавить» хочется сказать обо всей книге <...>[7].

Размышляя над причинами такой «незрелости»[8] книги, П.П. Муратов вновь, так же как и авторы других рецензий, выходит при этом к проблеме ее «русскости»:

---

[1] *Русское* слово. 1909. 3 июня. С. 1
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. № 6. С. 158–159.
[5] Там же. С. 158.
[6] Там же. С. 159.
[7] Там же.
[8] Там же.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Может быть, то, что на место «пейзажа» в книге стали большие и малые вопросы и даже просто размышления о порядках и непорядках жизни, составляет непременную черту всякой русской книги. Другой русской чертой является странная несвобода или спутанность суждений при всяком почти соприкосновении автора с искусством <...>. Дело в нашей вечной несвободе и незрелости, которая одна только повинна в том, что такой писатель, как В.В. Розанов, прошел по Италии мимо сокровищ гения и не заметил их <...>[1].

Автор будущей книги «Образы Италии» особо останавливается именно на отношении Розанова к итальянскому искусству:

Мысль В.В. Розанова, смелая, острая, оригинальная, становится робкой, вялой, обыкновенной перед произведениями искусства <...>. В непонятном и враждебном лабиринте картин и статуй В.В. Розанов ищет, прежде всего, «знаменитое» или «всемирно известное», покорно слушаясь какого-то авторитета. Но авторитет его весьма сомнительный и не далеко уходит от первого попавшегося печатного или устного «гида»[2].

В «Образах Италии» П.П. Муратов вновь обратится к книге Розанова. Здесь нет таких резких и однозначных формулировок, как в журнальной заметке; но суть его отношения к «Итальянским впечатлениям» особых изменений не претерпела:

В этой странной и такой чисто русской книге не слишком много Италии. Ее автор, чувствующий с единственной в своем роде глубиной уклад русской жизни, даже и в Италии всегда как бы повернут лицом к России. Не только его мысли, но даже и взоры его обращены домой. Он не был свободным странником; есть что-то похожее на «отпуск» в его досуге и на «отлучку» в его путешествии[3].

В. Львов в своей рецензии «В. Розанов. Итальянские впечатления. Рим. – Неаполитанский залив. – Флоренция. – Венеция. – По Германии. 1909» в журнале «Современный мир»[4] близок к П.П. Муратову. Основная часть его рецензии – это перечисление того, что Розанов ***не*** увидел и ***не*** описал в своей книге: «<...> все это осталось вне поля зрения историка-путешественника»[5]. Как и П.П. Муратов, В. Львов полагает, что Розанов не смог описать и великолепную природу Италии: «Сама природа Италии, этой “страны солнца” <...> в книге В. Розанова потеряла свое тепло и точно выцвела и поблекла <...>»[6]. В целом, полагает кри-

[1] *Русское* слово. 1909. № 6. С. 159.
[2] Там же.
[3] *Муратов П.П.* Образы Италии: в 3 т. М.: Галарт, 1993. Т. 1. С. 14.
[4] *Современный* мир. 1909. № 8. С. 155–156.
[5] Там же. С. 155.
[6] Там же. С. 156.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

тик, «как-то неловко и обидно читать книгу В. Розанова об Италии. Бывший педагог-историк <...> написал чисто обывательскую книгу <...>»[1].

Позицию П.П. Муратова разделяет также и анонимный автор рецензии «В. Розанов. Итальянские впечатления» в журнале «Русское богатство»[2]: «С <...> способностью не видеть, думать, не видя, и попросту выдумывать и поехал г. Розанов видеть Европу»[3]. По мнению автора,

> <...> нет среди книг г. Розанова более характерной для его слабых сторон, чем эти непритязательные впечатления. Странная книга, в которой поучения стремятся опереться на впечатления и этим самым каждый раз показывают, что автору не нужны никакие впечатления <...>. Да у него и нет внешних впечатлений: у него только внутренние события <...>[4].

Как об этом же писал П.П. Муратов, «слово "впечатления" весьма мало идет к делу». «Фантомы и фантомы <...> – продолжает автор рецензии в «Русском богатстве». – Удивительно, как мир действительный скрыт пред г. Розановым миром, им созданным»[5].

И в то же время позиция анонимного автора рецензии в «Русском богатстве» представляется противоречивой: отказав Розанову в изображении «впечатлений», он в то же самое время утверждает, что он – «поистине импрессионист»[6]. Именно поэтому, по утверждению рецензента, та, у него все-таки

> <...> получилась интересная книга: есть яркие картинки, есть тонкие замечания, есть обычная, характерная для Розанова, убедительная и недоказательная лирика[7].

Финальная часть рецензии посвящена достоинствам книги:

> <...> В конце концов все-таки г. Розанов не напрасно ездил в Европу. Он поехал, уже высоко ценя ее, и на месте впитал новое уважение к ней, к ее силе, к ее мысли <...> Он нес с собой при этом <...> веру в Россию <...> слезы над нею <...> Целый ряд страниц в книге г. Розанова, посвященных этой параллели или просто изображающих его интенсивные художественные и культурные восторги на европейском Западе, увлекают и искупают то множество сумбурных домыслов, которыми, как кляксами, испещрена его книга. Укажем для примера места о свободной творческой и плодотворной дисцип-

---

[1] *Современный* мир. 1909. № 8. С. 155.
[2] *Русское* богатство. 1909. № 7. С. 121–125.
[3] Там же. С. 122.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 124.
[6] Там же. С. 122.
[7] Там же.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

лине католицизма, о нежных и ласкающих сторонах ветхозаветного Бога, о печальной характерности того факта, что Пушкин не видел Европы <...>[1].

Так автор рецензии воспринимает книгу Розанова в контексте проблематики взаимодействия России и Европы; при этом следует подчеркнуть, что в данной рецензии собственно итальянская тема отсутствует и путешествие Розанова воспринимается как общеевропейское, но никак не специально итальянское. И вновь – высокая оценка религиозной проблематики книги, осмысления в ней католицизма...

Наконец, общим местом большинства отзывов о книге Розанова стало указание на содержащиеся в ней многочисленные ошибки и неточности.

У него столько промахов всякого рода, в том числе исторических. Я знал, что Розанов раньше, чем сделаться публицистом, был учителем.

– Какой предмет Вы преподавали в гимназии? – спросил я его, встретившись с ним недавно.

– Историю, – отвечал он.

Вот тебе и раз! Этого только недоставало! Историк, который заставляет Нерона посещать Колизей (выстроенный только при Флавиях), а германского императора Фридриха Барбароссу сидеть на острове Капри, куда его будто бы послали венецианцы <...>, –

пишет И.К. Маркузе[2]. И далее:

Розанов часто ошибается. То он скажет, что в Италии никто газет не покупает и не читает, или итальянцы «каждую минуту, на ходу, пьют вино, дешевое и ничтожное (?), и пьют его для веселости». Как раз все наоборот <...>[3].

«В книге много мелких фактических ошибок», – фиксирует П.П. Муратов[4]; В. Львов замечает, что Розанов, не зная ни одного иностранного языка, «пересыпает итальянскими фразами»[5] всю свою книгу, делая многочисленные ошибки. Об этом же – в анонимной рецензии «Русского богатства»: Розанов «пишет на им самим сочиненном жаргоне»[6]. Вообще, значительная часть этой рецензии посвящена именно ошибкам:

<...> он сообщает, что <...> Наполеон во время битвы никогда не вынимал сабли из ножен» (даже на Аркольском мосту?), что «алкоголь и вино-

---

[1] *Русское* богатство. 1909. № 7. С. 124–125.
[2] *Новое* время. 1909. 16 июля. № 11976. С. 3.
[3] Там же.
[4] *Русская* мысль. 1909, № 6. С. 159.
[5] *Современный* мир. 1909. № 8. С. 155.
[6] *Русское* богатство. 1909. № 7. С. 124.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

> градный сок несовместимы» <...>. Сел он *в десять часов вечера* в римском кафе, видит, что газетчики выкрикивают «Tribuna» и «Patria», но никто газет не покупает – и сейчас же заключает: чтение газет здесь, очевидно, не развито <...> он называет мюнхенский собор «Duomo»[1] –

и так далее, и так далее. Проблема «неточностей» – принципиальная составляющая часть таланта и творчества Розанова в целом. Достаточно вспомнить известную историю о его статье «Заметка о Пушкине» (1899), впервые опубликованную в юбилейном «пушкинском» номере «Мира искусства»[2] и вызвавшую резкую критику В.С. Соловьева, который посвятил ей специальную статью «Особое чествование Пушкина. Письмо в редакцию < журнала «Вестник Европы» >»[3]. Розановская «Заметка о Пушкине» начинается следующим образом:

> Гоголь, приехав в Петербург, поспешил к светилу русской поэзии. Был час дня уже поздний.
>
> – Барин еще спит, – равнодушно сказал ему лакей.
>
> – Верно, всю ночь писал? – спросил автор «Ганса Кюхельгартена».
>
> – Нет, всю ночь играл в карты.
>
> Диалог этот – многозначителен, т.е. в вопросе Гоголя <...> Во всяком случае вопрос:
>
> «– Верно, всю ночь писал?» – характерен.
>
> Гоголь всю бы ночь писал, как и Лермонтов»[4].

Вся «Заметка» организована противопоставлением А.С. Пушкина как поэта «дневного», «трезвого» («<...> Пушкин был существенно *трезв*»[5]) и Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого как гениев «ночи», как «новых писателей, существенно новых»[6]. Поэтому, как пишет Розанов далее,

> «<...> после Пушкина мир не стал богаче, *обильнее*. Вот почему в звездную ночь:
>
> « – Барин всю ночь играл в карты»
>
> – и, кто знает, не в эту ли и не об этой ли самой ночи Лермонтов написал:
>
> Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
> И звезда с звездою говорит[7].

---

[1] *Русское* богатство. 1909. № 7. С. 124.

[2] *Мир* искусства, 1899. Т. 2. № 13–14. С. 1–10.

[3] *Вестник* Европы. 1899. Июль. С. 432–440.

[4] *Розанов В.В.* Заметка о Пушкине // Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 240. Эта история о первой попытке Н.В. Гоголя познакомиться с А.С. Пушкиным содержится в «Материалах для биографии А.С. Пушкина» П.В. Анненкова. *См.: Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. М.: Современник, 1984. С. 331–332.

[5] Там же. С. 244.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 245.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И здесь же:

> «Боже, как мне писать хочется!» – воскликнул Толстой, где-то около родных своих Хамовников, в Москве, возвращаясь домой, среди толпы знакомых и друзей. Была ночь; верно, звездная ночь. И вот, остановившись и как бы не помня себя, он прошептал вслух:
>
> «– Как же мне писать хочется!»
>
> Опять это как у Лермонтова, как у Гоголя; и характерно противоположно тому, как у Пушкина[1].

Описанная здесь первая попытка Гоголя познакомиться с Пушкиным, по словам П.В. Анненкова, произошла, «кажется, в 1829 году»[2]. В любом случае, очевидно, что Гоголь приехал в Петербург в конце 1828 г., стихотворение же Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» относится к 1841 г. О Толстом и говорить нечего. Тем не менее в «Заметке» Розанова создается такое ***впечатление***, что Пушкин играет в карты, Гоголь к нему приходит, Лермонтов пишет «Выхожу один я на дорогу...» и Толстой восклицает «Боже, как мне писать хочется!» одной и той же «звездной ночью»: «и, кто знает, не в эту ли и не об этой ли самой ночи Лермонтов написал»...

Это, в частности, и вызвало глубокое возмущение В.С. Соловьева:

> Он спрашивает, т.е. в вопросительной форме догадывается: кто знает, не в эту ли и не об этой ли самой ночи (когда Пушкин играл в карты) Лермонтов написал свое стихотворение «Выхожу один я на дорогу». Можно подумать, что биография Пушкина и Гоголя, хронология лермонтовских стихотворений – все это предметы, «покрытые мраком неизвестности». «*Кто* знает»? Да ведь *всякий*, если не знает, то по надлежащей справке легко может узнать, когда именно Гоголь познакомился с Пушкиным и к какому именно времени относится лермонтовское стихотворение, а, узнавши это, *всякий* может видеть, что дело идет о двух фактах, разделенных долгими годами, и что осенняя петербургская ночь, которую Пушкин просидел за картами, никак не могла быть тою самою сияющею ночью, которая много спустя после смерти Пушкина вдохновила Лермонтова <...>[3].

И, конечно же, Розанов все это знал – но допустил все эти свои «неточности» для того, чтобы создать нужное ему ***впечатление*** о Пушкине.

Думается, что, по сути, такова же природа многих ошибок и неточностей и в его «Итальянских впечатлениях». Путешественник, первый раз оказавшийся в иной стране, с неизбежностью допускает какие-то

---

[1] *Розанов В.В.* Мысли о литературе. С. 241–242. Здесь Розанов ссылается на книгу П.А. Сергеенко «Как живет и работает гр. Л.Н. Толстой» (М., 1888).

[2] *Анненков П.В.* Указ. соч. С. 331.

[3] *Соловьев В.С.* Особое чествование Пушкина: Письмо в редакцию <журнала «Вестник Европы»> // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 384–385.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ошибки, и они становятся своего рода составной частью его новых, необычных впечатлений. Собственно говоря, в ряде случаев Розанов сам не только не скрывает, но даже обыгрывает свое незнание или неточное знание, например:

> На голове [кардинала] была все почти время службы желтая, большая, посредине раздвинувшаяся и кверху совершенно ***заостренная... митра, что ли***, но, во всяком случае, такая же, как на множестве изваянных в св. Петре пап (27; выделено мною. – *Е.Н.*).

Очевидно, что писатель без труда мог уточнить название головного убора кардинала в соответствующих источниках, чего он тем не менее не сделал. Возможно, поэтому Розанов, готовя в 1909 г. книгу к печати, так ничего для нее и не исправил: подобные «исправления» могли бы нарушить то особое непосредственное настроение, ту уникальную атмосферу первого знакомства с Италией и с Европой, которая была создана в его очерках и которая, так или иначе, была отмечена всеми рецензентами. Как пишет И.К. Маркузе,

> <...> все эти ошибки Розанова, равно как и другие, отмеченные мною выше, и те, о которых я умалчиваю, не важны рядом с его замечаниями, иногда неожиданными и всегда очень яркими, которые, как молния из туч, освещают такие явления, мимо которых другой проходит, даже не замечая их[1].

Иначе говоря, «ошибки» Розанова в конечном счете теснейшим образом связаны с импрессионистической природой его рассказа о путешествии. Поэтому представляется, что «Итальянские впечатления» являются именно «травелогом» («travelogue» = «travel – logue»), т.е. живым, непосредственным «словом» о «путешествии», а не только – и более того, не столько – еще одним точным и беспристрастным описанием новых городов или стран[2]. Так, А. Шёнле подчеркивает не только особое значение и особую роль авторского вымысла в травелоге (т.е. в своем роде и право на ошибку), но в конечном счете его высокую духовную составляющую[3].

---

[1] *Новое* время. 1909. 16 июля № 11976. С. 3.

[2] О термине «травелог» см.: *Зибрева Г.А., Деремедведь Е.Н.* Литература «путешествия»: художественная специфика, жанровые разновидности. Художественно-документальное «путешествие»: актуальные проблемы истории и теории // Вопр. рус. лит. 2008. Вып. 15 (72). С. 68–80; *Эткинд А.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое лит. обозрение, 2001; *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб., 2004 [*Schönle A.* Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey. 1790–1840. Cambridge & London, 2000].

[3] См.: *Шёнле А.* Травелог как ритуал духовного возвышения (В.А. Жуковский) // Шёнле А. Указ. соч. С. 98–107.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Итак, каков же он, итальянский травелог Розанова?

«Итальянские впечатления» состоят из следующих частей: «Рим», «Неаполитанский залив», «Флоренция», «Венеция», «По Германии». В свою очередь, эти части включают отдельные главы – собственно, те очерки, которые и публиковались ранее в «Новом времени» и «Мире искусства».

«Рим»: «Страстная пятница в Соборе св. Петра», «Страстная суббота в Колизее», «Пасха в Соборе св. Петра», «По старому Риму», «Дети и монахи в садах Боргезе», «Выцветающая живопись», «В музеях Ватикана», «На вершине Колизея», «"Умирающий гладиатор" и "Моисей" Микеланджело», «Неаполитанский залив»: «Чудовище», «Солнце и виноград», «Капри», «Uno, due, tre», «Помпеи», «Салерно», «Пестум».

Часть «Флоренция» представляет собой единый текст, не разделенный на главы. «Венеция»: «Золотистая Венеция», «К падению башни св. Марка». Итальянскую часть книги завершает специальный «Post-scriptum», впервые также опубликованный ранее, в 1902 г.[1]

«По Германии»: «Сикстинская Мадонна», «Капище Молоха», «В католической Германии», «Реликвии Кальвина», «Возможный «гегемон» Европы». Наконец, книге предпослано «Предисловие», и это единственный новый текст, специально для нее написанный.

Рим, Неаполитанский залив, Флоренция, Венеция, Ватикан, Колизей, Капри, Помпеи, Пестум... На первый взгляд это вполне традиционное и по маршруту, и по содержанию путешествие по Италии. Но уже «Предисловие» Розанова ярко демонстрирует его собственный взгляд и подход к путешествию по Италии и Европе. Оно (а следовательно, и вся книга в целом) начинается следующим образом:

> В Европу можно ехать с пустым сердцем: тогда в ней ничего не увидишь. Эта совокупность ресторанов и уличной толпы не представляет ничего занимательного, как и у нас... Труд, удовольствия и вообще элементы человеческого житня – одинаковы везде под солнцем, разнясь только в красках и размерах. И не надо выезжать из родины, чтобы посмотреть это в Италии или Германии (V).

Так книга о путешествии начинается с парадоксального утверждения того, что путешествовать не нужно, начинается образом «пустого сердца» путешественника. В контексте мощной российской культурной традиции духовного паломничества в Европу как в «страну святых чу-

[1] *Новое* время. 1902. 16 марта. № 9350. Название: «Практические указания».

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дес»[1] Розанов сразу же подчеркнуто демонстрирует позицию своеобразного «антипаломничества». Но, как часто бывает у Розанова, это эпатаж и игра. Далее в «Предисловии» он совершенно отчетливо обозначает цель своей поездки, и цель эта – «историческая»:

> Мне хотелось взглянуть на Европу как на место чудовищной исторической энергии, где отложились слои великого труда, подвигов, замыслов, гения, надежд и разочарований. Мне хотелось «понюхать их пота» и «взглянуть на их лица»: как? что? горит ли там энергия? есть ли «вера, надежда и любовь», говоря восточною фразеологией. Я поехал с историческим интересом, а не с географическим интересом <...> (V–VI).

Завершается же «Предисловие» истинным гимном Древнему миру:

> <...> Пестум. В пятнадцати саженях от его храмов, так изумительно сохранившихся, синеет голубое Тирренское море: как оно удивительно, какой вид! И когда я смотрел на эту бирюзу вод и думал, что триремы Пирра, карфагенян и римлян когда-то разрезали его волны, встречались и провожались живыми жителями этого городка, в хитонах и туниках, я готов был заплакать... И я вообще думаю иногда, что в наше время хорошо сохранять детство, а серьезному взрослому душою засыпать и потихоньку просыпаться в тот древний мир, когда люди не задыхались под ватною одёжей, под книгами, под утренними газетами, а умывали утром руки в солнечных лучах, и солнце золотило их смуглую кожу... И солнце, и люди, и колонны храмов – все связывалось в единое целое, еще без греха и зависти... (VII–VIII).

Как уже упоминалось выше, в свою первую поездку за границу Розанов отправился уже вполне сформировавшимся мыслителем, и суть его религиозно-философской концепции в это время определялась критикой, сначала – православия, затем – всего христианства в целом. И в то же время всю свою жизнь Розанов прожил с ощущением непосредственного Божественного присутствия:

> В конце концов, Бог – моя жизнь.
>
> Я только живу для Него, через Него. Вне Бога – меня нет <...>.
>
> Бог мой! Вечность моя! Отчего же душа моя так прыгает, когда думаю о Тебе...
>
> И все держит рука Твоя: что она меня держит – это я постоянно чувствую[2].

---

[1] «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского: «Вся "страна святых чудес" представится мне разом, с птичьего полета, как земля обетованная <...>»: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 47. Достоевский здесь, в свою очередь, цитирует стихотворение А.С. Хомякова «Мечта» (1834), посвященное Западу.

[2] *Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. С. 494, 496.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Отсюда – его стремление к «новому религиозному сознанию», к богоискательству и богостроительству. Расставшись с христианством и пройдя сложный духовный путь, Розанов вернется к Библии – но к Ветхому завету, к иудаизму, к *древней вере древнего человека*, и это станет основой его оригинальной религиозно-философской концепции. И его «Предисловие» в конечном счете – о том, что именно этот взыскуемый им Древний мир он и обнаружил для себя в Италии: «<...> душою засыпать и *потихоньку просыпаться в тот древний мир*» (выделено мною. – *Е.Н.*).

Все без исключения рецензенты так или иначе написали о «русскости» «Итальянских впечатлений». Как, по-своему оптимально, это сформулировал П.П. Муратов, «в этой странной и такой чисто русской книге не слишком много Италии. Ее автор, чувствующий с единственной в своем роде глубиной уклад русской жизни, даже и в Италии всегда как бы повернут лицом к России». Действительно, это просто бросается в глаза, и, думается, в этих бесконечных сравнениях итальянского (и немецкого) с русским – еще один аспект игры Розанова-путешественника со своим читателем.

Только несколько примеров, которых на самом деле великое множество:

> Горы Капри – совершенно Крымские горы <...> (167);
>
> <...> Капри не дальше от Неаполя, или немного дальше, чем от Петербурга Кронштадт <...> (154);
>
> [Салерно]<...> как наш Брянск, Старая Русса или $^1/_4$ губернского города (197);
>
> Было единство крови, единство традиции, единство почвы от мученика Себастиана до Рафаэля Санцио <...>. Как есть единство крови в «Запорожцах» и в Репине, который нарисовал запорожцев, в «Богатырях» и в Васнецове, их изобразившем (71–72).

Глава «“Умирающий гладиатор” и “Моисей” Микеланджело» завершается следующим образом: «Но добрый Янкель из “Тараса Бульбы” восклицает: “Пхей! Это – идол”» (124). В связи с творчеством Микеланджело здесь упомянуты повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», Лермонтов, Гоголь, его «Страшная месть» и Акакий Акакиевич... Но именно этот «русский» подход повлек за собой первое личное открытие Розанова в Италии: он открыл для себя итальянский национальный характер. Идея, высказанная в «Предисловии», о том, что «<...> элементы человеческого жития – одинаковы везде под солнцем», опровергается всем ходом его книги. Итальянский характер в восприятии Розанова – это необычайная живость и энергия: «<...> в итальянцах <...> много бегучести, грации, внутреннего напряжения» (62).

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

При этом Розанов постоянно сравнивает русского и итальянского человека – и всегда в пользу последнего (удивительно, почему никто из писавших о «русскости» «Итальянских впечатлений» не обратил на это внимания):

> Чувствуя за границей свою родину особенно сильно, я много раз, смотря на живых, ловких и неусыпных итальянцев, вспоминал с печалью родные фигуры, сонливые, ленивые, ругающиеся и с необоримым вкусом к алкоголю (148–149);
>
> И куда я ни посмотрю, в маленьком, тихом, чистеньком Риме все делается скоро, одушевленно. У нас, в России, вся жизнь точно часовая стрелка: здесь, в Италии,– все точно секундная стрелка <...>. Она живее, подвижнее, главное – неусыпнее, и вот это меня занимает.
>
> Количество сна, сонливости, предрасположения ко сну здесь несомненно менее. Конечно, я не видал, как итальянцы спят ночью. По признакам большого физического здоровья я думаю, что они спят крепко, хорошо. Но дело в том, что у нас, на севере, и днем человек как бы несколько затуманен и, кажется, предложи ему лечь спать, он поблагодарит вас как за самое большое одолжение. Отчего это? Я упомянул север и еще хочу прибавить: «алкоголь» (146);
>
> Главное – подвижность и легкость и светящийся во всяком итальянце ум. Действительно, даже у нищих и у мальчишек, даже у слепых и калек, стоящих на углу улицы с протянутой рукою, я не видал апатичного, застывшего, тупого во взгляде лица, каких так много у нас на севере (179–180).

Думается, что живой итальянский характер произвел такое сильное впечатление на Розанова в том числе потому, что итальянцы были им восприняты как прямые, «живые», сегодняшние потомки Древнего мира:

> Боже, как я узнал в них столь знакомые мне по нумизматике портреты Тивериев, Веспасианов, Антонинов, Аврелиев, Неронов, Августов, Цезарей (не преувеличиваю), Помпеев, Гракхов. Коротко остриженная голова и бритый подбородок, дающие рассмотреть все строение черепа и лица, не оставляли сомнения. Я помню эти самые лица на монетах, мною собранных, мне в мельчайших чертах знакомых. «Фу, дьяволы, точно воскресли!» – «Да, но мы теперь христиане, и в христианстве так же сильны, как были сильны в *язычестве*» (6; выделено мною. – *Е.Н.*).

Тема Древнего мира и древнего человека, тема язычества занимает в травелоге Розанова значительное место:

> На второй день Пасхи я проснулся поздно и, потягиваясь в кровати, подумал: «Надо поехать к язычникам» <...> И через 30 минут я был по другую сторону Рима, в храме Весты (30).
>
> Прежде всего, их жизнь была более летняя, и душа их тоже была более летняя, чем наша <...>. Жилища в Помпеях имеют летнюю психологию, воздушную, доверчивую <...> (185–186).

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Как было показано выше, уже в «Предисловии» тема язычества начинается Пестумом – и специальной главой «Пестум» завершается часть «Неаполитанский залив»:

> Да, это были прекрасные невинные люди, которые не знали или почти не знали ощущения греха. По всему вероятию, они смотрели на грех, как на ошибку, которой не нужно еще делать, а не как на ответственность, томительную, щемящую, роковую <...>. Мы говорим, в обычных исторических учебниках, что древние греки и римляне «поклонялись бесам», это поклонение застонало, заплакало перед восходящим сиянием Креста. Но в Пестуме – оно еще не плачет, как не заплакало еще в играх Навзикаи и ужинах Алкиноя, у этих наивных пастухов, которые именовали себя «царями». <...> «царская дочь» (Навзикая) идет стирать белье. Это как сказка. И жизнь этих людей была невинна, как только возможно в сказке <...>. В Пестуме я смотрел на бесов, пока еще они считали себя богами. Я знал уже их последующую грустную судьбу; я знал, что они умрут, будут высечены, вытолкнуты из храмов. Словом, я много знал, чего еще они не знали. Отрывок истории, но в момент, пока она не знает, чем кончится. Бесы смотрели на меня спокойно и ласково, немые и недоумевающие, о чем и зачем я грущу; я же не мог смотреть на них без чрезвычайной грусти и какой-то глубоко затаенной вины <...> (204–207).

И в музеях Розанов особо сосредоточен на аспектах языческой культуры. Один из самых ярких в этом смысле примеров – его восприятие Сикстинской капеллы (глава «Выцветающая живопись»). Для него фактически главными героинями всего великого произведения Микеланджело стали Сивиллы, только им он посвящает подробное и вдохновенное описание:

> Таково впечатление от Сивилл Микеланджело. Известно, что вне христианского и иудейско-канонического круга священных книг были языческие книги, в которых содержатся (или думают, что содержатся) тайные намеки на пришествие в мир Спасителя. Книги эти, ритмического и стихотворного сложения, называются «Сивиллиными книгами» и относимы были к легендарному лицу особых пророчиц, Сивилл <...>. Конечно, эти книги более чем апокрифичны, и ввести Сивилл в сонм ветхозаветных пророков, Захарии, Даниила, Иеремии, Иезекииля и других <...> это одно уже дерзко по мысли, своенравно и бурно, как именно апокриф, ниспровергающий канон всех традиций! <...> Как эти Сивиллы нарисованы! «Боже, до чего это свободно!» – думал я, глядя на них. В красках, все светлого фона, с преобладающим желтым, может быть напоминающим желтый песок или желтый луч солнца тех горячих стран, откуда пришли «Сивиллины книги», – есть ужасно много нежного, тайно-женственного, ласкающего, не острого и не угрюмого. И между тем в то же время лица пророчиц <...> бесконечно угрюмы, напряжены, строги <...> (64–66).

Вторым личным открытием Розанова в Италии стал католицизм (что, в отличие от темы итальянского характера, отметили многие его

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

рецензенты). Очевидно, что особое внимание к католичеству также определялось ситуацией религиозно-философских поисков писателя, его активными размышлениями о православии и христианстве в целом. Принципиально начало книги: первые три главы – «Страстная пятница в Соборе св. Петра», «Страстная суббота в Колизее», «Пасха в Соборе св. Петра»; не самая традиционная тематика для описания путешествия по Италии (в ее русло книга возвращается только начиная с четвертой главы «По старому Риму»). Но при этом следует подчеркнуть: тема католицизма глубинно связана в книге Розанова с темой итальянского национального характера, а также, в свою очередь, с проблематикой русского национального характера и православия.

Итальянское католичество вызвало у Розанова то же восхищение, что и итальянский национальный характер:

> <...> настолько в 160 фигурах, передо мной сидевших, было много богатства крови и сил. Простой взгляд, простое наблюдение показывают вам, что католицизм вобрал в себя все талантливое из расы и оставил политике, торговле, литературе объедки своего вкусного завтрака. На передних скамьях сидели мальчики в белых кружевных пелеринках, от 11 до 16 лет, и среди них было большинство лиц изящны в чертах, миловидны в выражении. Это будущие прелаты. Сзади них сидели прелаты <...>. Теперь они седы, морщинисты, но – вот опять странность! – ни малейше не дряхлы, не расслаблены. Один прелат вышел читать на середину; он до того был стар, что его поддерживали под руки: он мог упасть. Но он точно старался вырваться из поддерживавших его рук, его движения были не прямы (не верны в отношении к цели), но порывисты, и он завопил, читая голосом дребезжащим, но смелым. «Умираю, но и умирая – орел!» (5–6).

В католицизме Розанова восхитили та же энергия и внутренняя духовная свобода, что и в итальянском характере:

> Нет свободнее и, так сказать, внутренно буйственнее человека, чем католический священник, академик, семинарист, прелат. Точно они все летают около какой-то добычи, огромными кругами, быстро рея в воздухе, свободно, именно как птица в воздухе. Я целые дни провожу на воздухе, живу в Риме месяц и не видел священника, идущего медленно, развалясь, усталого или скучающего. Ни одного кислого лица я не видел целый месяц <...>: академик, или семинарист, или священник быстр, увертлив, стремителен к цели и, кажется, никогда не устанет. И вот это «не устанет» я и связываю с особою постановкою у них дисциплины. Конечно, она есть, – но свободная. «Братья, вы позваны к подвигу, необычайно трудному, но будьте в нем свободны». – «Да, мы идем на подвиг, труднейший, и идем на него свободно». Этот диалог составляет душу католицизма <...> (49–51).

Тема духовной свободы, сформированной католицизмом, пронизывает и розановское восприятие великого итальянского искусства:

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Удивительно, какие мысли во мне возбудила Сикстинская капелла и также большие фрески Рафаэля: о политической, да и вообще всяческой свободе. «Мы не свободны, мы не свободны», – твердил я, бродя по комнатам. И еще: «нужно свободы, доходящей до безумия, до безрассудства, чтобы начать так творить» <...>. У Рафаэля – свобода успокоенного вымысла <...>. И нужно было вскормить, всхолить эту свободу. Вечная честь папам того времени. И художники отнеслись взаимно к самим папам за это с свободною любовью, по крайней мере Рафаэль. Он изобразил все великие моменты папства, особенно те, где папа являлся защитником и спасителем города Рима от полчищ нахлынувших варваров. Он принес им дань самой свободной и прекрасной любви, без вынужденности и без преувеличения <...> (63–64; 69–70).

Подобно тому, как Розанов сравнивал русского и итальянца, теперь он так же сравнивает православие и католичество:

Все сложение католицизма глубоко не похоже на сложение православия <...> это совсем разные религии – православие и католичество (16–17);

<...> католическое духовенство мало что имеет в себе общего с нашим. Несмотря на общность наименований: «священник», «монах», «епископ», – на общность дел: «литургия», «проповедь», «совершение таинств», – восточное и западное духовенства до неузнаваемости расходятся, до обвинений в «ереси» противоположны по всей своей нравственной и умственной и религиозной структуре. Они различны, как движение и покой; как жизнь и смерть; по внешности они не сходны, как офицер и нищий. Мы всего более любим восточное духовенство за то, что оно не вмешивается в жизнь, не пытается руководить ею; и само духовенство это полагает своею заслугою, считая это скромностью, возвышеннее называемою «смирением». Западное духовенство ничего не понимает в этих добродетелях. Оно рвется вовсе не к власти, как кажется нам, а к делу, движению, и власть уже получается сама собою отсюда (54–55).

Размышление Розанова о православных и католических монахинях:

Унылого же вида русских монахинь – не встретишь. Бедные наши монашки, собирающие на построение церкви по улицам, в лавках, в конках, – я их вспомнил здесь. Здесь я тоже вижу множество монахинь <...>. У них тот же твердый и решительный шаг, как и у семинаристов, лицо открытое и смелое и совершенно счастливое. Есть пассивный подвиг, есть активный подвиг <...> подвиг ее [православной монахини] – неподвижность. Сущность ее призвания – умаление, врастание в землю: меньше, меньше, вошла по пояс в землю, по плечики, по головку, совсем вошла, умерла – «святая!» <...>. В Риме преспокойно монахини ходят везде. Я их видел ведущими детей на ученье, но видел же во множестве и просто гуляющими, идущими в одиночку, самых молоденьких, без призора. «Я не побегу за приключением, потому что я свободно избрала подвиг»; «если вы станете присматривать за каждым моим шагом – я сброшу мантию»; «я – воин, а не узник». Идея «воина» глубоко выражена во всем католицизме; сперва это была задача, но наконец это стала и психология <...> (51–52).

В целом все первые три главы книги, «Страстная пятница в Соборе св. Петра», «Страстная суббота в Колизее», «Пасха в Соборе св. Петра»,

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

организованы постоянным и принципиальным для Розанова соотношением православной и католической Пасхи – с неизменным указанием на то, как много между ними разного, например:

> Пост в Риме – совершенно обыкновенное время, отличающееся только литургическими службами, но не поведением мирян, не их образом жизни и если не главными, то очень важными выражениями этого образа: пищей и сном. Мы меньше спим, гораздо больше молимся, избегаем всего веселого и праздничного семь недель (21);
>
> Я воображал, что в Риме Пасха будет встречена в 12 часов ночи, как у нас. Но каково было мое удивление, когда, получив красный билет на особую эстраду в храме св. Петра в первый день Пасхи, я прочел: «10 часов утра». – Ну, католики совсем забыли Бога (24).

Как известно, самым любимым и почитаемым писателем для Розанова всегда оставался Ф.М. Достоевский. Созданная им поэма Ивана Карамазова о Великом инквизиторе – глубокая и серьезная критика католичества (и, конечно, всего христианства в целом). Розанов закономерно обращается к ней в финале третьей главы «Пасха в Соборе св. Петра» – и вступает с Достоевским в спор, возможно, единственный раз в своей жизни:

> Кардинал поднял причастие и придвинул к себе: у него руки не только задрожали, но, как у нас говорят, «ходуном заходили», он весь затрясся, он боялся страшно, как я не видал никого у нас и никогда за причастием, и причастился.
>
> В ту же минуту обедня кончилась.
>
> Он верует, – подумал я. – О, какие пустяки, что они все не веруют, безбожники, служат сатане, а не Богу (идея Достоевского в «Легенде об Инквизиторе») и т.п. Кто так взирает на Тело и Кровь Господню, – верует в причастие. А если он в причастие верует, – он и во все верует, т.е. во все христианство, во весь круг христианского спасения.
>
> И я вышел с очень веселым сердцем (29).

В «Post-scriptum», завершающем итальянскую часть книги, Розанов пишет о том, что после первой публикации его очерков «и в письмах и устно» ему «многие выражали сожаление и досаду», что он «“заразился” католичеством» (241), что он, подобно В.С. Соловьеву, ратует за объединение православия и католичества. Но ответы на эти вопросы содержатся уже в самих очерках – в самих главах: «“Примирение церквей!” Боже, какая это утопическая мечта гимназиста четвертого класса[1]!» (17). И далее в «Post-scriptum» Розанов следующим образом объясняет суть того религиозного духовного опыта, который он получил в Италии:

---

[1] Вполне можно допустить, что под «гимназистом четвертого класса» подразумевается здесь лично В.С. Соловьев. Взаимоотношения между Соловьевым и Розановым трудно было назвать доброжелательными.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Не выезжав никогда из России, я со словом «русский» и «руссизм» сливал понятия: «христианин», «верующий», «христианство», «вера». Перевалив через Альпы, я прямо изумился увиденному. «А! так вот как еще можно верить, думать, молиться, созерцать – оставаясь христианином; а когда так можно, то еще можно и по-третьему», – подумал я (241).

Этому «третьему» и посвящена последняя часть «Итальянских впечатлений» – «По Германии». Очевидна импрессионистическая парадоксальность соотношения названий книги и этой части: в книгу «Итальянские впечатления» входит часть «По Германии», которая, ко всему прочему, включает главу «Реликвии Кальвина», посвященную Швейцарии. Однако именно эта внешняя «небрежность» формирования травелога помогает высветить его внутреннюю логику и внутреннее единство: здесь, на опыте и материале теперь уже немецких и швейцарских впечатлений, продолжена тема католицизма (главы «Сикстинская Мадонна», «Капище Молоха», «В католической Германии») и введена и развернута тема протестантизма как «третьей» христианской конфессии («Реликвии Кальвина», «Возможный «гегемон» Европы»).

Финальный абзац всей книги – об этом:

Но я кончу о пасторе. Слушая его, я думал про себя:

Так вот, корень немецкой науки, как и немецкой добропорядочности корень, – в <...> немецком протестантизме <...>. Германский пастор уже почти переходит в германского профессора, и профессор несет часть пасторского духа, жара, миссии. В то же время пастор – простой человек, как сказал о себе и Лютер, без «посвящения», без «таинства» на нем: так что проповедовать может и каждый смертный, и раз, кажется, за это взялся даже Kaiser Wilhelm. И вот откуда вся их и всех их нравственная серьезность: что они все: и сапожники, и министры, и члены палаты депутатов, и банковые дельцы, и сам их царь[1] – немножко суть пасторы, со страхом Божиим, с законом совести и ответственности в сердце! (316).

При этом тема язычества, тема Древнего мира и древнего человека осталась в Италии...[2].

Первая глава «По Германии» – «Сикстинская Мадонна» – сыграла в книге роль закономерной смысловой итальянско-немецкой связки: картина Рафаэля, находящаяся в «Галерее старых мастеров» в Дрездене.

---

[1] Еще одна знаменитая «ошибка» Розанова: рядом с «Kaiser Wilhelm» – «их царь».

[2] За небольшими исключениями. Розанов по-прежнему предельно внимателен к древнему искусству. См., например, в главе «В католической Германии» впечатление о «Глиптотеке», мюнхенском собрании античной скульптуры: «Последняя (собрание статуй) небогата. Хорош только <...> умирающий сын Ниобеи, лежащий с закрытым почти лицом навзничь: какая красота и выражение лица! Кое-где в сгибе пальцев, в обломке ступни ноги и в эгинских остатках видно чудное мастерство греков (какой древней эпохи!) и именно чудная их любовь к природе и природному!» ((271–272).

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Литература, посвященная этой картине, колоссальна. Но и здесь Розанов находит свой оригинальный подход и говорит свое оригинальное слово. В центре его описания картины – не Мадонна, но Младенец:

> Лицо Младенца всего поразительнее <...>. Сразу же зрителя поражает, что это – самое серьезное и уже ярко трагическое лицо на целой картине <...> Лицо Его не только трагичное: оно куда зрелее, старее лица старца Сикста. Тут во взятии *этого* содержанием Христова Лика сказался гений Рафаэля.
>
> Младенец-Сын старее и Матери, опытнее, проникновеннее, несравненно грознее, – и все это без нарушения гармонии и красоты картины, без оставления в зрителе впечатления неестественности... Конечно, в этом великая особенность картины, великая изобретательность Рафаэля! <...> вот тут более всего хотелось бы отгадать мысль Рафаэля: если всмотреться в глаза Младенца, необыкновенно яркие, блестящие, почти пугающие зрителя, и особенно если привести их в связь с чуть-чуть приподнятым ртом, как бы силящимся что-то выговорить, то скажется впечатление не только грозного, но чего-то дикого, в смысле «одержимого» <...>. Замечу еще последнее: голова и лицо Младенца почти не меньше или чуть-чуть меньше лица и головы Его Матери, – неестественность страшная, хотя в целях Рафаэля (если я верно отгадал их) нужная. И мастерство его было так велико, что опять эта несоразмеримость не производит впечатления неестественности и даже вовсе не замечается (252–254).

В своей своеобразной интерпретации образа Младенца Христа в «Сикстинской Мадонне» Рафаэля Розанов размышляет собственно о нем: критика христианства была у мыслителя тесно связана со сложными, глубокими размышлениями об Иисусе Христе и о его историческом значении, которые нашли свое воплощение в таких его работах, как «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» (1908), «Люди лунного света. Метафизика христианства» (1911–1912), и достигли апогея в его последнем труде «Апокалипсис нашего времени» (1918–1919), посвященном русской революции. Историческую катастрофу, произошедшую в России в 1917 г., Розанов объясняет мировой победой учения Иисуса Христа и христианства:

> *Уже зло пришествия Христа выразилось в том, что получилась цивилизация со стоном*. Ведь Он проповедывал «лето благоприятное». *Вот в этом, по крайней мере*, – Он ошибся: никакого «лета благоприятного» не получилось, а получилась цивилизация со стоном. Какая же это «благая весть» <...>?;
>
> А ведь цивилизация – это *рост*... видите ли вы синие волны Средиземного моря, и Адриатику, и Рим, и Египет.
>
> Полно.
>
> Солнце.
>
> Счастье.
>
> О, не надо христианства. Не надо, не надо... Ужасы, ужасы. Господи Иисусе. Зачем Ты пришел смутить землю? Смутить и отчаять?[1]

[1] *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. М.: Центр прикладных исследований, 1990. С. 51, 62.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Средиземное море, Адриатика, Рим, солнце, счастье. В «Апокалипсисе нашего времени» христианству прямо противопоставлен тот древний мир, который предстал перед глазами Розанова, в том числе в его путешествии по Италии, мир языческого Рима, Помпеи, Пестума. «<...> Язычество, которое *истинно*», – напишет здесь Розанов[1].

Следующие две главы, «Капище Молоха» и «В католической Германии», посвящены, как это точно сформулировано в названии главы, католицизму в Германии. Но в главах, посвященных немецким впечатлениям, отношение писателя к католицизму усложняется. Об этом ярко свидетельствует, в частности, глава «Капище Молоха», посвященная знаменитому кафедральному собору Frauenkirche в Мюнхене (официальное название – собор Пресвятой Девы Марии[2]). Собор поразил Розанова, но теперь его впечатления противоречивы. С одной стороны,

> Ничего подобного я не видал раньше <...> Ничего же подобного по *силе*, по *страху*, по *серьезности!* «Религия или церковь, имеющая вот один такой храм, уже выразила и увековечила и доказала свое Я» <...> Родники жизни, бытия, восхищения – ими богат католицизм, и с этим чрезвычайно трудно спорить, этого невозможно победить!! (259–260).

Но с другой стороны, в его восприятии собор – это «капище Молоха»:

> Вдруг прямо перед глазами моими начала подыматься какая-то черная громада, которой не умел охватить глаз,– которая сразу задавила на душу мою каким-то небывалым впечатлением. «Это еще что за казарма Сатаны»,– шептал я, отступая, чтобы что-нибудь рассмотреть, и закидывая назад голову, ибо громада неслась ввысь (255–256).

И заканчивается описание собора следующим образом: «Все же однако здание было чрезвычайно черно. "Казарма сатаны" – от этого не отказался я и в последний миг» (261).

«В католической Германии», по Розанову, означает, прежде всего, – в немецких музеях, хранящих в себе великие произведения европейского искусства. В центре главы – описание сокровищ дрезденской «Галереи старых мастеров» и мюнхенской «Пинакотеки» («Старой пинакотеки»). В сущности, это своеобразное продолжение главы «Сикстинская Мадонна»: здесь Розанов вновь обращается к размышлениям о Рафаэле,

---

[1] *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. М.: Центр прикладных исследований, 1990. С. 56.

[2] И вновь о розановских «ошибках» и ошибках. Анонимный рецензент «Русского богатства» был прав в своем удивлении, что Розанов «называет мюнхенский собор "Duomo"». Действительно, почему-то он сообщает читателю следующее: «Целый день я ходил около собора: это оказался "Duomo" – старинный кафедрал» (261).

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

а также о Перуджино, Корреджо и других итальянских мастерах. В целом, с точки зрения Розанова, «Мюнхен <...> художественно-вдохновеннее Дрездена» (282).

Но по сути своей, полагает Розанов, Германия – страна не католическая, и мысли эти у него рождаются вновь в связи с великим итальянским искусством. Так, он рассказывает о том, что в одном из берлинских музеев

> <...> есть целый узкий зал, где выставлены, в величину оригинала и с бесподобной точностью, снимки со всех работ Микеланджело. Перенесены сюда, в гипсе, уже потемневшем, и гробницы Юлиана и Лоренцо Медичи, и Моисей – в полной величине. *Вот такого никогда не имели немцы, как и чего-нибудь, подобного католицизму, – не сотворили же они* (312; выделено мною. – *Е.Н.*).

Поэтому две последние главы книги, «Реликвии Кальвина» и «Возможный «гегемон» Европы», посвящены протестантизму. По отношению к протестантизму Розанов здесь вновь занимает ту же позицию искреннего интереса и уважения к иной церкви, которая характерна для всей его книги в целом. Проблематика протестантизма обусловила включение в «Итальянские впечатления» главы о Швейцарии, о Женеве, – главу «Реликвии Кальвина»: «<...> я посетил величайшие реликвии реформационной эпохи: домик Кальвина и церковь его» (287). Жан Кальвин (а не Мартин Лютер) всегда был для Розанова высшим воплощением Реформации, поэтому при посещении его церкви и его дома писатель испытал глубокое волнение:

> <...> с времен юности из всех реформаторов меня всего сильнее привлекал Кальвин – страшной сдержанностью и сосредоточенностью характера, великим блеском ума (288);
>
> – Неподалеку отсюда, на улице Кальвина, стоит домик, где он жил, № 11, – сказала показывавшая [церковь] девушка в заключение.
>
> С каким чувством подходил я к нему... Старый кумир мой, к которому теперь, правда, я не испытываю никакого чувства, – он не только ходил здесь «в свою церковь», но и жил в котором-то из почерневших этих домов (296).

Но в конечном счете, по мысли Розанова, протестантизм – это прежде всего религия современной Германии. «Корень» немецкой культуры (как уже цитировалось выше), – в «немецком протестантизме», и именно протестантизм может превратить Германию в «“гегемона” Европы», как это заявлено в названии последней главы:

> <...> вот откуда вся их и всех их нравственная серьезность: что они все: и сапожники, и министры, и члены палаты депутатов, и банковые дельцы, и

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сам их царь – немножко суть пасторы, со страхом Божиим, с законом совести и ответственности в сердце![1]

Так «Итальянские впечатления» Розанова стали его путешествием-травелогом по истории европейской религии, начиная с язычества, через католицизм – к протестантизму. В результате такого путешествия мыслителем был сделан вывод, влекущий его к проблематике «нового религиозного сознания»: «*Мне кажется, эпоха догматического существования [религии] вообще прошла* <...>» (242; выделено мною. – *Е.Н.*).

Думается, что в связи с итальянским травелогом Розанова уместно в целом поставить вопрос о существовании и функционировании в русской культуре и литературе рубежа XIX–XX вв. – первой половины XX в. такого явления и такого жанра литературы путешествий, как философский травелог, в котором наряду с локальными описаниями и мотивом перемещения по географическому пространству осуществляется путешествие по истории человеческой мысли и по областям жизни человеческого духа, – травелог русских религиозных философов, как живших в России, подобно Розанову, так и оказавшихся позднее в эмиграции, подобно о. Сергию Булгакову[2].

---

[1] Даже в описании внешности немцев Розанов теперь изменяет так восхитившим его ранее итальянцам: «Какие у всех или почти у всех отличные волосы – верный признак хорошего роста и неиспорченной крови! Итальянки и итальянцы сравнительно с немками и немцами – какие-то потертые горничные и износившиеся баре. Из ста лиц здесь десять красивых, по крайней мере, хороших, тогда как в Италии едва найдешь это число среди тысячи» (299).

[2] К жанру философского травелога у о. Сергия Булгакова можно отнести целый ряд произведений (самостоятельных или вошедших отдельными фрагментами в его книги): «Зовы и встречи», «Две встречи», «Из "Дневника"», <Поездка в Америку> и др.